

Бай Цзиньинь не знал всего этого. Ему было немного неловко за то, что его смех напугал Тань Цзыфэна, и он искренне дал совет:

— Ты неправильно берешь дыхание. В «К мечте вперед, ла-ла-ла» между «ла» и «ла» не должно быть паузы, нужно петь на одном дыхании, чтобы звучало лучше.

Тань Цзыфэн сдержал гнев и промолчал. Его специальностью были танцы, и до профессионального уровня вокала ему было далеко. Перед шоу он специально занимался с преподавателем по вокалу и считал, что в студии проблем не возникнет, если не петь вживую. Мало кто знал, что съемочная группа, приглашая его, уже пообещала, что в некоторых этапах конкурса можно будет использовать фонограмму.

Чем выше положение, тем шире взгляд. В глазах Тань Цзыфэна победа была практически гарантирована, а остальные одиннадцать участников были лишь фоном на его пути к титулу. В финале, помимо судей, было голосование зрителей, и по количеству фанатов с ним никто не мог сравниться.

Он не зазнавался и до сих пор хорошо ладил с остальными, общался с ними в Weibo, добавил в WeChat, играя в братскую дружбу, что и хотела видеть съемочная группа. Но Бай Цзиньинь был исключением — он не ответил на подписку в Weibo, делал что-то эпатажное для привлечения внимания, притворялся, что не знает его, а теперь еще и учил, как петь.

Он что, хочет затмить его?

В этот момент съемочная группа предложила новое решение — временно поменять порядок исполнения, и Яо Бо заменил Тань Цзыфэна.

Запись прервалась на час, чтобы оба участника могли освоить новые партии.

Тань Цзыфэн с холодным лицом молча вышел из студии. Вскоре в помещение вошел молодой человек в черной обтягивающей футболке и джинсах с дырками.

Его брови были густыми и черными, кончики слегка приподняты, линии грудных мышц просвечивали через ткань, а на шее сбоку виднелась татуировка в форме цветка. Весь его облик излучал дикую энергию.

Обычно участники конкурса, даже если не встречались лично, через несколько дней знали имена друг друга благодаря Weibo, особенно если речь шла о Яо Бо, занимавшем второе место по популярности.

Но Бай Цзиньинь был другим. Он протянул руку и привычно произнес стандартную фразу для знакомства:

— Привет, участник номер двести пятьдесят один, Бай Цзиньинь. Как вас зовут?

— Яо Бо, — ответил тот, внимательно осмотрев его и протянув руку. — Я слышал твой «Мир журчания». Мелодия очень крутая, надеюсь, у нас будет возможность сотрудничать.

По сравнению с несколько худощавой фигурой Тань Цзыфэна, Бай Цзиньинь произвел на Яо Бо лучшее впечатление — широкие плечи, крепкие бедра, лишь череп не был таким округлым, как у Цинь Суна, но в остальном он ничуть не уступал.

Это как если бы перед тобой стояла женщина средних лет с широкой талией и плоской грудью,

а рядом — длинноногая красавица с пышным бюстом. Конечно, симпатия будет склоняться ко второй.

— Ну что вы, это так себе, вы слишком добры, — Бай Цзиньинь загорелся. Впервые с тех пор, как он оказался в мире людей, кто-то похвалил его песню в лицо. Закончив с вежливостями, он спросил:

— Когда сможем сотрудничать?

Яо Бо:

— ...

У Бай Цзиньиня было полторы памяти. Первая — три года напряженной жизни в Мире Нежити, а вторая — обрывки из прошлой жизни И Хуэя, которые, словно травинка под обломками, тихо росли вдоль костей, незаметно влияя на его тягу к музыке и сцене.

Он сам не замечал, как с каждым днем в мире людей, помимо призыва все большего числа сильных существ из Легиона Нежити для чувства безопасности, творчество стало важной частью его жизни.

Музыка создается, чтобы делиться ею, но Бай Цзиньинь мог только петь птицам. Хэй-хэй мог щелкать тысячу семечек в минуту, но в музыке не мог дать ему никаких полезных советов. Полуискренние слова Яо Бо стали для него как окно, открывшееся перед человеком, который долго сидел в закрытой комнате. В глазах Бай Цзиньиня Яо Бо превратился из красивого скелета в кандидата на звание побратима.

Яо Бо, встретившись с ясным и открытым взглядом Бай Цзиньиня, на мгновение задумался, а затем сказал:

— Может, после записи?

— Хорошо, значит, после записи, — Бай Цзиньинь быстро согласился, а затем, желая ответить взаимностью, решил похвалить Яо Бо. Его взгляд скользнул по крепким бедрам, затем по очерченным грудным мышцам и остановился на татуировке на шее. — У тебя на шее красивая хризантема.

Яо Бо:

— ...Это подсолнух.

После выхода «Мира журчания» почти каждый музыкант, услышав его, испытывал ярость, как если бы роскошный пион воткнули в навоз. Мелодия была запоминающейся и величественной, и если бы не странные тексты, это была бы редкая жемчужина.

Яо Бо тоже был автором песен, и, будучи участником того же конкурса, он, естественно, следил за информацией о Бай Цзиньине в Weibo. Сначала он считал, что тот использует странные методы для привлечения внимания, но после прослушивания «Мира журчания» его мнение изменилось.

Эти зловещие звуки вызвали у него мурашки по коже. Они были настолько необычными, что он невольно включил песню на повтор, пока не почувствовал давление в мочевом пузыре.

Он почувствовал родство душ. По сравнению с роковыми криками, выражающими глубину души, «Мир журчания» был чем-то совершенно новым. Это был не звук какого-то инструмента, а скорее шепот, крик и жажда самого существа.

Ни одна песня раньше не вызывала у Яо Бо таких ощущений. В комментариях большинство писали о непреодолимом желании сходить в туалет, но Яо Бо чувствовал иное. Человек, способный написать такую мелодию, должен был обладать гордостью и не нуждаться в дешевых трюках.

Увидев Бай Цзиньиня лично, он убедился в своих догадках. Взгляд Бай Цзиньиня был ясным, почти не моргающим, а в его облике чувствовалась холодная отрешенность, как и в тех зловещих звуках, которые так поразили его.

Однако, как бы сильно его мысли ни блуждали, он никогда бы не догадался, что ясный взгляд Бай Цзиньиня был лишь украшением, как лампочка для Повелителя Скелетов. Он не моргал, потому что, только став человеком, он просто не умел закрывать глаза, пока веки сами не уставали, даже во сне.

Запись продолжилась, и на этот раз все прошло гладко. Хриплый и магнетический голос Яо Бо сливался с проникающим пением Бай Цзиньиня, как бурный поток, ударяющийся о скалы, заставляя сердце биться чаще.

Режиссер кивал в такт, а Яо Бо был удивлен тем, как их голоса дополняли друг друга. Бай Цзиньинь, в свою очередь, впервые проявил настоящий юмор, предложив создать дуэт под названием «Бай Яо».

Помимо дуэтов, в заглавной песне был финальный хор. Двенадцать участников собрались в импровизированной студии на фоне огромного зеленого экрана, чтобы позже заменить его на кадры из клипа, где они стоят под звездным небом, задумчиво смотря вверх, озаренные сиянием.

Бай Цзиньинь и Яо Бо стояли спиной друг к другу, синхронизируя движение губ. Летняя одежда была тонкой, и Бай Цзиньинь почувствовал, как температура тела Яо Бо постепенно повышалась, от тепла до жара. В финальном кадре все двенадцать участников стояли плечом к плечу, обнявшись, и пели кульминацию песни. Съёмочная группа расставила их по популярности: Тань Цзыфэн в центре, Яо Бо и Бай Цзиньинь по бокам.

Тань Цзыфэн, хоть и неохотно, но подчинился, стараясь придвинуться поближе к Яо Бо. Однако он почувствовал, как Бай Цзиньинь, словно тень, снова сократил расстояние между ними до «кожа к коже». Странно, но Яо Бо тоже слегка наклонился в его сторону.

У него не было глаз на затылке, иначе он бы увидел, как рука Яо Бо, перекинута через его плечо, на мгновение замерла, а затем легла на спину Бай Цзиньиня.

Запись в студии завершилась, и все вышли на улицу. Большинство окружило самого популярного Тань Цзыфэна, а Яо Бо сам подошел к Бай Цзиньиню, и они решили найти место, чтобы посидеть и поговорить о музыке.

В этот момент Му Лу подошел и остановил Бай Цзиньиня, отвел его в переговорную и спросил о записи, а затем перешел к теме финала:

— Ты подготовил песню для финала?

— Да, подготовил, — глаза Бай Цзиньня загорелись. События с зомби наделали много шума, и вокруг его дома постоянно дежурила полиция. Он провел несколько дней дома, сочиняя песни, и выбрал лучшую для финала.

— Опять оригинальная? Как называется? — спросил Му Лу.

<http://bllate.org/book/16788/1544027>